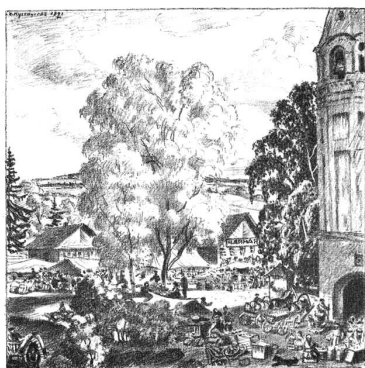

Рассказы
русских писателей
—
Летние истории

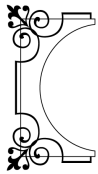
Москва

Сергей Арсенов

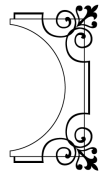
(17.91–18.5.9)

ЛЕТНЯЯ ПОЕЗДКА В ЧУРАСОВО

Из книги «Детские годы Багрова-внука»

Ровно через три года представлялся мне случай снова испытать впечатление дальней летней дороги. Три года для восьмилетнего возраста значат очень много, и было бы ожидать, что я гораздо живее, сознательнее, разумнее почувствую красоты разнообразной, живописной природы тех местностей, по которым нам должно было проезжать. Но вышло не совсем так. Три года тому назад, уезжая из Уфы в Багрово, из города в деревню, я точно вырывался из тюрьмы на волю. На каждом шагу ожидали меня новые, невиданные мною, предметы и явления в природе; самое Багрово, по рассказам отца, представлялось мне каким-то очаровательным местом, похожим на те волшебные «Счастливые острова», которые открывал Васко де Гама в своем мореплавании, о которых читал я в «Детском чтении». В настоящую же минуту я оставлял Багрово, которое уже успел страстно полюбить, оставлял все мои охоты — и ехал в неприятное мне Чурасово, где ожидали меня те же две комнаты в богатом, но чужом доме, которые прежде мы занимали, и те же вечные гости. Сад с яблоками, которых мне и есть не давали, меня не привлекал; ни уженья, ни ястребов, ни голубей, ни свободы везде ходить, везде гулять и все говорить, что захочется; вдобавок ко всему я очень

знал, что мать не будет заниматься и разговаривать со мною так, как в Багрове, потому что ей будет некогда, потому что она или будет сидеть в гостиной, на балконе, или будет гулять в саду с бабушкой и гостями, или к ней станут приходить гости; слово «гости» начинало делаться мне противным... Такие мысли бродили у меня в голове, и я печально сидел рядом с сестрицей, прижавшись в угол кареты. Отец также был печален; ему так же, как и мне, жалко было покинуть Багрово, и еще более грустно ему было расстаться с матерью, моей бабушкой, которая очень хизнула¹ в последнее время, как все замечали, и которую он очень горячо любил. Но моя мать была довольна, что уехала из Багрова: она не любила его и всегда говорила, что все ее болезни происходят от низкого и сырого местоположения этой деревни. После довольно долгого молчания мать обратилась ко мне и сказала: «Что ты забился в угол, Сережа? Ничего не говоришь и в окошко не смотришь?» Я отвечал, что мне жалко Багрова, — и высказал все, что у меня было на душе. Мать старалась меня уверить, что Чурасово гораздо лучше Багрова, что там сухой и здоровый воздух, что хотя нет гнилого пруда, но зато множество чудесных родников, которые бьют из горы и бегут по камешкам; что в Чурасове такой сад, что его в три дня не исходишь, что в нем несколько тысяч яблонь, покрытых спелыми румяными яблоками, что какие там оранжереи, персики, груши, какое множество цветов, от которых прекрасно пахнет, и что, наконец, там есть еще много книг, которых я не читал. Все это мать говорила с жаром и с увлечением, и все это в то же время было совершенно справедливо, и я не мог сказать против ее похвал ни одного слова; мой ум был совершенно побежден, но сердце не соглашалось, и когда мать спросила

---

¹ Хизнуть — чахнуть, болеть. (Примечания, помеченные цифрами, принадлежат редактору).

меня: «Не правда ли, что в Чурасове будет лучше?» — я ту ж минуту отвечал, что люблю больше Багрово и что там веселее. Мать улыбнулась и сказала: «Ты еще мал и ничего, кроме Багрова, не видывал, а когда поживешь летом в Чурасове, так заговоришь другое». Я отвечал, что всегда буду то же говорить. «Ты еще глуп», — возразила мне мать с некоторым неудовольствием. Мне стало еще грустнее. Под влиянием каких-то мыслей и чувств продолжалась наша дорога.

Хотя я уже ездил один раз в Чурасово, но местность всего пути была мне совершенно неизвестна. Во-первых, потому, что тогда стояла зима, а зимой под сугробами снега ничего не увидишь и не заметишь, а во-вторых, потому, что летняя дорога отчасти шла по другим, более степным местам. В первый же день мы ночевали возле татарской деревни Байтуган, на берегу полноводной и очень рыбной реки Сок. Разумеется, под каретой были подвязаны четыре удочки с удилищами; мы с отцом и Евсеичем успели поудить и выудили много прекрасных окуней, что несколько успокоило наше общее грустное состояние духа.

На второй или на третий день, хорошенько не помню, приехали мы поутру в огромную слободу пахотных солдат, называемую Красным поселением, расположенную на реке Кондурче, которая была немного поменьше Сока, но так же красива, омутиста и рыбна. Съехав с дороги, мы остановились кормить у самого моста. Эта кормежка мне очень памятна, потому что ею как-то все были довольны. Мы с отцом уже покорились своей судьбе и переставали тосковать о Багрове. Мать, которой, без сомнения, наскучили наши печальные лица, очень этому обрадовалась и старалась еще более развеселить нас; сама предложила нам пойти удить на мельницу, которая находилась в нескольких десятках шагов, так что

шум воды, падающей с мельничных колес, и даже гуденье жерновов раздавалось в ушах и заставляло нас говорить громче обыкновенного.

Не успели мы выпрячь лошадей, как прибежали крестьянские мальчики из Красного поселения и принесли нам множество крупных раков, которые изобильно водились в небольших озерах по Кондурче. Для нас с отцом, кроме вкусного блюда, раки имели особенную цену: мы запаслись ими для ужения — и не понапрасну. Отец и Евсеич выудили на раковые сырые шейки в самое короткое время очень много и очень крупной рыбы, особенно окуней и небольших жерехов, которые брали беспрестанно в глубокой яме под вешняком, около свай и кауза. К прискорбию моему, я не мог участвовать в такого рода ужении: оно было мне еще не по летам и на маленькую свою удочку таскал я маленьких рыбок на мелком, безопасном месте, сидя на плотине. Когда мы весело возвращались с богатой добычей, милая сестрица выбежала ко мне навстречу с радостным криком и с полоскательной чашкой спелой ежевики, которую набрала она (то есть Параша) по кустам мелкой уремы, растущей около живописной Кондурчи.

Мать чувствовала себя здоровою и была необыкновенно весела, даже шутлива. В тени кареты накрыли нам стол, составленный из досок, утвержденных на двух отрубках дерева; принесли скамеек с мельницы, и у нас устроился такой обед, которого вкуснее и веселее, как мне казалось тогда, не может быть на свете. Когда моя мать была здорова и весела, то все около нее делались веселы; это я замечал уже и прежде. За этим обедом я совершенно забыл об оставленном Багрове и примирился с ожидающим меня Чурасовым. Я был уверен, что и мой отец чувствовал точно то же, потому что лицо его,

как мне казалось, стало гораздо веселее: даже сестрица моя, которая немножко боялась матери, на этот раз так же резвилась и болтала, как иногда без нее.

На следующий день поутру мы приехали в Вишенки. Зимой я ничего не заметил, но летом увидел, что это было самое скучное степное место.

Пересыхающая во многих местах речка Берля, запруженная навозною плотиной, без чего летом не осталось бы и капли воды, загнившая, покрытая какой-то пеной, была очень некрасива, к тому же берега ее были завалены целыми горами навоза, над которыми тянулись ряды крестьянских изб; кое-где торчали высокие коромыслы колодцев, но вода и в них была мутна и солодковата. Для питья воду доставали довольно далеко из маленького родничка. И по всему этому плоскому месту, не только деревьев, даже зеленого кустика не было, на котором мог бы отдохнуть глаз, только в нижнем огороде стояли две огромные ветлы. Впрочем, селение считалось очень богатым, чему лучшим доказательством служили гумна, полные копен старого хлеба, многочисленные стада коров и овец и такие же табуны отличных лошадей. Все это мы увидели своими глазами, когда на солнечном закате были пригнаны господские и крестьянские стада. Страшная пыль долго стояла над деревней, и мычанье коров и блеянье овец долго раздавалось в вечернем воздухе. Отец мой сказал, что еще большая половина разного скота ночует в поле. Он с восхищением говорил о хлебородной вишенской земле, состоящей в иных местах из трехаршинного чернозема. Вечером, говоря со старостой, отец мой сказал: «Все у вас хорошо, да воды только нет. Ошибся дядя Михайла Максимыч, что не поселил деревню версты три пониже: там в Берле воды уже много, да и мельница была бы у вас в деревне».

Но староста с поклоном доложил, что ошибки тут не было. «Все вышло от нашей глупости, батюшка Алексей Степаныч.

Хоша я еще был махонькой, когда нас со старины сюда переселили, а помню, что не токма у нас на деревне, да и за пять верст выше, в Берлинских вершинах, воды было много и по всей речке рос лес; а старики наши, да и мы за ними, лес-то весь повыврубили, роднички затоптала скотинка, вода-то и пересохла. Вот и Медвежий враг — ведь какой был лес! и тот вывели; остался один молодежник — и оглобли не вырубишь. Нонче зато и маемся, топим соломой, а на лучину и на крестьянские поделки покупаем лес в Грязнухе».

Отец мой очень сожалел об этом и тут же приказал старосте, чтобы Медвежий враг был строго заповедан, о чем хотел немедленно доложить Прасковье Ивановне и обещал прислать особое от нее приказание.

Флигель, в котором мы остановились, был точно так же прибран к приезду управляющего, как и прошлого года. Точно так же рыцарь грозно смотрел из-под забрала своего шлема с картины, висевшей в той комнате, где мы спали. На другой картине так же лежали синие виноградные кисти в корзине, разрезанный красный арбуз с черными семечками на блюде и наливные яблоки на тарелке. Но я заметил перемену в себе: картины, которые мне так понравились в первый наш приезд, показались мне не так хороши.

После обеда отец мой ездил осматривать хлебные поля; здесь уже кончилось ржаное жнитво, потому что хлеб в Вишенках поспеваает двумя неделями ранее; зато здесь только что начинали сеять господскую рожь, а в Багрове отсевались. Здесь уже с неделю, как принялись жать яровые: пшеницы и полбы. Поля были очень удалены, на каком-то наемном участке в «Орловской

степи» *. Мать не пустила меня, да и отец не хотел взять, опасаясь, что я слишком утомлюсь.

На другой день, выехав не так рано, мы кормили на перевозе через чудесную, хотя не слишком широкую реку Черемшан, в богатом селе Никольском, принадлежавшем помещику Дурасову. Не переезжая на другую сторону реки, едва мы успели расположиться на песчаном берегу, отвязали удочки, достали червей и, по рассказам мальчишек, удивших около парома, хотели было идти на какое-то диковинное место, «где рыба так и хватает, даже берут стерляди», как явился парадноодетый лакей от Дурасова с покорнейшею просьбою откушать у него и с извещением, что сейчас приедет за нами коляска. Дурасов был известный богач, славился хлебосольством и жил великолепно; прошлого года он познакомился с нами в Чурасове у Прасковьи Ивановны. Отец и мать сочли неучтивостью отказаться и обещали приехать. Боже мой! Какой это был для меня удар, и вовсе неожиданный! Мелькнула было надежда, что нас с сестрицей не возьмут; но мать сказала, что боится близости глубокой реки, боится, чтоб я не подбежал к берегу и не упал в воду, а как сестрица моя к реке не пойдет, то приказала ей остаться, а мне переодеться в лучшее платье и отправляться в гости. Скоро приехала щегольская коляска, заложённая четверкой, с форейтором и с двумя лакеями. Мы с отцом довольно скоро переоделись; мать, устроив себе уборную в лубочном балагане, где жили перевозчики, одевалась долго и вышла такою нарядною, какую я очень давно ее не видел. Как она была хороша, как все ей шло к лицу! Перебирая в памяти всех мне из-

---

* Название «Орловской степи» носила соседственная с Вишенками земля, отдаваемая внаймы от казны, но прежде принадлежавшая графу Орлову. (Примечания, отмеченные знаком *, принадлежат автору).

вестных молодых женщин, я опять решил, что нет на свете никого лучше моей матери!

Посередине большой площади, с двух боков застроенной порядками крестьянских изб, стояла каменная церковь, по-тогдашнему новейшей архитектуры. Каменный двухэтажный дом, соединяющийся сквозными колоннадами с флигелями, составлял одну сторону четырехугольного двора с круглыми башнями по углам. Все надворные строения служили как бы стенами этому двору; бесконечный старый сад, с прудами и речкою, примыкал к нему с одного бока; главный фасад дома выходил на реку Черемшан. Я ничего подобного не видывал, а потому был очень поражен и сейчас приложил к действительности жившие в моей памяти описания рыцарских замков или загородных дворцов английских лордов, читанные мною в книгах. Любопытство мое возбудилось, воображение разыгралось, и я начал уже на все смотреть с ожиданием чего-нибудь необыкновенного.

Мы въехали на широкий четвероугольный двор, посреди которого был устроен мраморный фонтан и солнечные часы: они были окружены широкими красивыми цветниками с песчаными дорожками. Великолепное крыльцо с фонарями, вазами и статуями и еще великолепнейшая лестница, посередине устланная коврами, обставленная оранжерейными деревьями и цветами, превзошли мои ожидания, и я из дворца английского лорда перелетел в очарованный замок Шехеразады. В зале встретил нас хозяин самого простого вида, невысокий ростом и немолодой уже человек. После обыкновенных учтивостей он подал руку моей матери и повел ее в гостиную.

Обитая бархатом или штофом мебель из красного дерева с бронзою, разные диковинные столовые часы, то в брюхе льва, то в голове человека, картины в раззолоченных рамах — все было так богато, так роскошно, что чу-

расовское великолепие могло назваться бедностью в сравнении с Никольским дворцом. При первых расспросах, узнав, что мать оставила мою сестрицу на месте нашей кормежки, гостеприимный хозяин стал упрашивать мою мать послать за ней коляску; мать долго не соглашалась, но принуждена была уступить убедительным и настоятельным его просьбам. Между тем Дурасов предложил нам посмотреть его сад, оранжереи и теплицы. Нетрудно было догадаться, что хозяин очень любил показывать и хвастаться своим домом, садом и всеми заведениями; он прямо говорил, что у него в Никольском все отличное, а у других дрянь. «Да у меня и свиньи такие есть, каких здесь не видывали; я их привез в горнице на колесах из Англии. У них теперь особый дом. Хотите посмотреть? Они здесь недалеко. Я всякий день раза по два у них бываю».

Отец с матерью согласились, и мы пошли. В самом деле, в глухой стороне сада стоял красивый домик. В передней комнате жил скотник и скотница, а в двух больших комнатах жили две чудовищные свиньи, каждая величиною с небольшую корову. Хозяин ласкал их и называл какими-то именами. Он особенно обращал наше внимание на их уши, говоря: «Посмотрите на уши, точно печные заслоны!»

Подивившись на свиней, которые мне не понравились, а показались страшными, пошли мы по теплицам и оранжереям: диковинных цветов, растений, винограду и плодов было великое множество. Хозяин поспешил нам сказать, что это фрукты поздней пристановки и что ранней — все давно сошли. Тут Параша привела мою милую сестрицу, которая, издали увидев нас, прибежала к нам бегом, а Параша проворно воротилась. Дурасов рвал без разбора всякие цветы и плоды и столько надавал нам, что некуда было девать их. Он очень обласкал мою сестрицу, которая была удивительно как

смела и мила, называл ее красавицей и своей невестой... Это напомнило мне давнопрошедшие истории с Волковым; и, хотя я с некоторой гордостью думал, что был тогда глупеньким дитятей, и теперь понимал, что семилетняя девочка не может быть невестой сорокалетнего мужчины; но слово «невеста» все-таки неприятно щекотало ухо.

Только что воротились мы в гостиную и сели отдохнуть, потому что много ходили, как вошел человек, богато одетый, точно наш уфимский губернатор, и доложил, что кушанье поставлено. Я сейчас спросил тихонько мать: «Кто это?» — и она успела шепнуть мне, что это главный официант. Я в первый раз услышал это слово, совершенно не понимал его, и оно нисколько не решало моего вопроса. Дурасов одну руку подал матери моей, а другую повел мою сестрицу. Пройдя несколько комнат, одна другой богаче, мы вошли в огромную, великолепную и очень высокую залу, так высокую, что вверху находился другой ряд окон. Небольшой круглый стол был убран роскошно: посредине стояло прекрасное дерево с цветами и плодами; граненый хрусталь, серебро и золото ослепили мои глаза. Сестрицу мою хозяин посадил возле себя и велел принести для нее вышитую подушку. Только что подали стерляжью уху, которою заранее хвалился хозяин, говоря, что лучше черемшанских стерлядей нет во всей России, как вдруг задняя стена залы зашевелилась, поднялась вверх, и гром музыки поразил мои уши! Передо мной открылось возвышение, на котором сидело множество людей, державших в руках неизвестные мне инструменты. Я не слыхивал ничего, кроме скрипки, на которой кое-как игрывал дядя, лакейской балалайки и мордовской волынки. Я был подавлен изумлением, уничтожен. Держа ложку в руке, я превратился сам в статую и смотрел, разиня рот и вы-

пуча глаза, на эту кучу людей, то есть на оркестр, где все проворно двигали руками взад и вперед, дули ртами, и откуда вылетали чудные, восхитительные, волшебные звуки, то как будто замиравшие, то превращавшиеся в рев бури и даже громовые удары... Хозяин, заметя мое изумление, был очень доволен и громко хохотал, напоминая мне, что уха простынет. Но я и не думал об еде.

Матери моей было неприятно мое смущение, или, лучше сказать, мое изумление, и она шепнула мне, чтоб я перестал смотреть на музыкантов, а ел... Трудно было мне вполне повиноваться! Черпая ложкой уху, я беспрестанно заглядывался на оркестр музыкантов и беспрестанно обливался. Дурасов еще громче хохотал, отец улыбался, а мать краснела и сердилась. Сестрица моя сначала также была удивлена, но потом сейчас успокоилась, принялась кушать и смеялась, глядя на меня.

Немного съел я диковинной ухи и сдал почти полную тарелку. Музыка прекратилась. Все хвалили искусство музыкантов. Я принялся было усердно есть какое-то блюдо, которого я никогда прежде не ел, как вдруг на возвышенности показались две девицы в прекрасных белых платьях, с голыми руками и шеей, все в завитых локонах; держа в руках какие-то листы бумаги, они подошли к самому краю возвышения, низко присели (я отвечал им поклоном) и принялись петь. Мой поклон вызвал новый хохот у Дурасова и новую краску на лице моей матери. Но пение меня не увлекло: слова были мне непонятны, а напевы еще менее. Я вспомнил песни наших горничных девушек и решил, что Матреша поет гораздо лучше. Вследствие такого решения я стал заниматься кушаньем и до конца обеда уже не привлек на себя внимания хозяина. Прежним порядком воротились мы в гостиную. После кофе Дурасов предложил было нам катанье на лодке с роговой музыкой по Че-

ремшану, приговаривая, что «таких рогов ни у кого нет», но отец с матерью не согласились, извиняясь тем, что им необходимо завтра рано поутру переправиться через Волгу. Дурасов не стал долее удерживать; очень ласково простился с нами, расцеловал мою сестрицу и проводил нас до коляски, которая была нагружена цветами, плодами и двумя огромными свертками конфет.

Воротясь, мы поспешили переодеться и пустились в дальнейший путь. Во всю дорогу, почти до самой ночевки, я не переставал допрашивать отца, и особенно мать, обо всем слышанном и виденном мною в этот день. Ответы вели к новым вопросам, и объяснения требовали новых объяснений. Наконец я так надоел матери, что она велела мне более не расспрашивать ее об Никольском.

Я обратился к отцу и вполголоса продолжал говорить с ним о том же, сообщая при случае и мои собственные замечания и догадки. Вполне не разрешенными вопросами остались: отчего вода из фонтана била вверх? отчего солнечные часы показывают время? как они устроены? и что такое значит возвышение, на котором сидели музыканты? Когда же я спросил, кто такие эти красавицы барышни, которые пели, отец отвечал мне, что это были крепостные горничные девушки Дурасова, выученные пенью в Москве. Что же они такое пели и на каком языке — этого опять не знали мой отец и мать. Когда речь дошла до хозяина, то мать вмешалась в наш разговор и сказала, что он человек добрый, недалкий, необразованный, и в то же время самый тщеславный, что он, увидев в Москве и Петербурге, как живут роскошно и пышно знатные богачи, захотел и сам так же жить, а как устроить ничего не умел, то и нанял себе разных мастеров, немцев и французов, но, увидя, что дело не ладится, приискал какого-то промотавшегося господина, чуть ли не князя, для того чтоб он завел в его Ни-